

Звательность как дискурсивная категория.
Несколько гипотез.

М.А. Даниэль

Постановка задачи. Звательная форма имени, иногда также называемая вокативом, считается непрототипической грамматической категорией как с формальной, так и с функциональной точки зрения. Формально многие языки используют для выражения звательности, иначе иногда называемой апеллятивностью (Якобсон 1971/1985), нефонологические средства (так, языки с нефонологичным ударением, тоном или долготой могут использовать именно эти средства – ср., например, эмфатическую долготу (Кодзасов 2000) в русских «дальних» окликах, таких как *Ната-а-а-ша-а-а!*). Типологически частым средством выражения звательности является усечение основы имени (ср. русские формы *па, ма, ба*), антагонистичное стандартным морфологическим стратегиям выражения грамматического значения путем прибавления сегмента и у традиционных морфологических категорий, по-видимому, практически не засвидетельствованное (Храковский, Володин 1986, Гусев 2005). Более тонким проявлением специфичности звательных форм является отклонение их поведения от морфонологических или фонетических правил конкретного языка. В качестве примера можно привести широко обсуждаемое неоглушение конечного звонкого согласного в формах так называемого нового русского вокатива *Федь (/f'ed'/)*, противоречащее основным правилам русской фонетики (Панов 1997: 108-110).

Звательность часто выносятся исследователями на языковую периферию и с функциональной точки зрения. Наиболее частым способом охарактеризовать вокатив является указание на его использование в качестве оклика или для привлечения внимания. Из этого делается вывод о его синтаксической изолированности («слово-высказывание») и неучастии в выражении грамматических отношений (в Храковский, Володин 1986 на этом основании предлагается не считать его падежом). Несмотря на то, что попытки оспорить это положение имеют место (А.П. Володин (1976: 147), например, считает, что ительменский вокатив является способом кодирования Агенса при императиве, а (Otoguro, Spencer 2005; Daniel, Spencer to appear) указывают на возможность согласования приименных зависимых по вокативу), в целом оно представляется скорее справедливым.

С другой стороны, подобно тому как по способу своего выражения звательность может быть в большей или меньшей степени интегрирована в морфонологическую систему языка (ниже мы будем говорить о формальной интегрированности формы обращения – например, в соответствии с иерархиями типа нефонологические средства < усечение < сегментный показатель или частица < падеж), можно было бы предположить, что и функции звательной формы в языках мира не тождественны и могут более или менее тесно взаимодействовать с механизмами плана выражения: хотя утверждение о том, что звательные формы не участвуют в выражении грамматических отношений, представляется скорее обоснованным, мы все же вправе ожидать от звательных форм (по крайней мере от некоторых звательных форм в некоторых языках) той или иной степени функциональной интегрированности в структуру дискурса.

Иными словами, мы считаем, что традиционная характеристика вокатива и категории звательности недостаточна и неудовлетворительна. Несмотря на свою

синтаксическую изолированность, звательные формы могут активно участвовать в организации дискурса, что утверждалось и раньше: ср., например, (Храковский, Володин 1986) для русского и (Zwicky 1974) для английского языков. Цель настоящей статьи – развернуто продемонстрировать справедливость этого на русском материале (для создания своего рода типологической перспективы анализа данных мы предварим этот материал кратким экскурсом в категорию звательности в нескольких неиндоевропейских языках), в первую очередь на примере форм нового вокатива. Как будет видно, большинство наших наблюдений над новым вокативом справедливо и для другой распространенной формы обращения – формы именительного падежа. Выбор нового вокатива мотивируется тем, что эта форма специализирована как форма обращения и поэтому более наглядно демонстрирует специфику категории звательности; но в целом этот выбор довольно условен. Впрочем, перед тем, как перейти к заключительной части, мы кратко и в достаточной мере предварительно охарактеризуем возможные функциональные и прагматические различия нового вокатива и именительного падежа в функции обращения*.

Краткий типологический экскурс. Для начала отметим очевидную упрощенность стандартной схемы описания звательности – форма оклика или привлечения внимания. В ряде языков специально отмечается наличие нескольких форм обращения; а раз есть две (или более) формы звательности, мы ожидаем, что их функции не вполне тождественны. Наиболее распространена ситуация, при которой в роли обращения наряду со специализированной звательной формой используется немаркированная форма имени (которой чаще всего является номинатив) – например, в русском используются как новый вокатив, так и именительный падеж. А в ряде языков выделяется несколько звательных форм, отличных от номинатива, причем иногда, хотя и достаточно редко, описывается различие в их функционировании.

Так, в языке валапай (юма, Аризона) различаются два показателя вокатива: один используется для привлечения внимания человека, находящегося вблизи говорящего или в пределах его видимости, второй – когда говорящий не видит человека, которого он зовет (Watahomigie et al. 2001: 55-56). Таким образом, авторы грамматики описывают противопоставление двух вокативов как противопоставление по близости / удаленности от говорящего, склеенное с противопоставлением по видимости / невидимости адресата.

В чукотско-камчатских языках также отмечается два типа оформления обращений. С одной стороны, в этих языках в звательной (апеллятивной) функции широко используется второе лицо предикативной формы (или, в терминах алуторской грамматики, предикативной репрезентации) имени – буквально нечто вроде ‘отец-ты!’ (Скорик 1961: 216-218; Жукова 1972: 134; Кибрик и др. 2000: 257). С другой стороны, здесь существуют особые звательные формы, характеризующиеся, наряду с усечением или добавлением сегмента, различными несегментными фонетическими явлениями – качественное изменение конечного гласного, ударность и эмфатическая ударность¹ последнего слога, удлинение гласного. А.Н. Жукова (1972: 41) и А.Е. Кибрик и др. (2000: 257) не

* Я очень признателен А. Урманчевой за ценные и существенные соображения, которые она высказала в процессе редактирования этой статьи, и С. Князеву за пристрастное обсуждение фонетической стороны дела. Я также благодарен Н. Добрушиной за замечания, которые помогли сделать изложение более систематичным и легким для восприятия, и С.К. Пожарицкой, уточнившей ряд формулировок.

относят эти фонетические процессы к сфере морфологии, считая их частным проявлением «аффективной интонации» (Жукова о корякском) или «экспрессивной фонетики» (Кибрик и др. об алюторском). П.Я. Скорик (1961: 306 и далее) рассматривает нефонологические средства вместе с фонологическими и говорит о звательной форме имени, таким образом, по-видимому, скорее сближая ее с падежными вокативами в других языках (ср. обсуждение чукотских данных в Spencer, Otoguro 2005). Как бы то ни было, с формальной точки зрения эти звательные формы не вполне интегрированы в морфологическую структуру языка. Функциональные различия между предикативной формой в звательной функции и «аффективной» или «экспрессивной» формой имени алюторская и корякская грамматики никак не комментируют. (Скорик 1961: 306) отмечает, что последняя выражает «... обращение на отдаленном расстоянии и вообще более интенсивный характер обращения, чем при помощи указанных выше личных (т.е. предикативных – М.Д.) форм». Вынужденно игнорируя неясную формулировку «более интенсивный характер обращения», отметим, что, как и в случае с языком валapai, упоминается дистанция между говорящим и адресатом вокатива.

Общая характеристика нового русского вокатива. Рассмотрим на этом (пусть крайне фрагментарном, но, как мы надеемся показать ниже, не бессодержательном) типологическом фоне русские данные. В русском языке обращение может выражаться либо формой именительного падежа (*Сергея!*, у всех имен лиц), либо формами нового вокативаⁱⁱ типа *Серёж!*, которые существуют только у имен собственных с исходом номинатива единственного числа на $-V'(C)Ca$, у обладающих той же структурой имен родства (*дядя, мама*), а также у двух существительных *pluralia tantum* – *ребята* и *девчата*ⁱⁱⁱ.

С другой стороны, обладания такими фонотактическими свойствами для образования нового вокатива явно недостаточно. Так, он не образуется от профессиональных имен лиц женского рода *врачиха* или *фельдшерица* или *директриса*, отвечающих модели $-V'(C)Ca$. Оказывается, что свойство образовывать новые вокативы прямо коррелирует со способностью существительного выступать в позиции обращения. Наличие этой способности у имени нарицательного, по-видимому, является лексическим свойством: ср. различное в этом отношении поведение семантически близких профессиональных имен лиц *врач* и *доктор*. Для английского языка это уже отмечалось в (Zwicky 1974). Есть даже имена, первичной функцией которых является обращение (*доча*^{iv}), однако большинство имен нарицательных не могут быть обращениями (например, *старушка*)^v.

(1) (НКРЯ: Юрий Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом)

Слушайте, доктор (*врач), говорю серьезно, не устраивайте мне больше истерик.

Несмотря на то, что способность выступать в роли обращения – свойство, вероятно, градуальное, существительные *врачиха*, *фельдшерица* и *директриса* такой способностью, скорее, не обладают.

(2) (сконструированный пример)

^{??}Директриса, не пудри мне мозги.

Здесь необходимо сделать два уточнения. Первое касается самого понятия «позиция обращения». Слово *дурачина* встречается в контекстах, синтаксически неотличимых от обращения – причем явно тяготеет к ним, избегая аргументных позиций. Фонотактически оно также удовлетворяет всем необходимым условиям. Однако форма нового вокатива от нее не образуется: очевидно, дело в том, что такие контексты, несмотря на синтаксическое сходство с обращениями, являются не апеллятивными, а оценочными; по этой же причине это имя вообще не может употребляться в качестве дальнего оклика, но зато может в той же изолированной позиции относиться не к адресату, а к третьему лицу, что для обращений невозможно; ср. (4).

(3) (НКРЯ: Даниил Гранин. Искатели, 1954)

Дурачина (+ дурак), я бы сам пришел и починил.

(4) (НКРЯ: Марийская правда, 2003)

Дурачина он, мой Серега! – в сердцах бросил Никитич.

Имена лиц типа *врач* или *врачиха* также могут при определенных условиях появляться в контекстах обращения, особенно – с частицей *эй*. Но в такие контексты апеллятивность «привносится» вокативной частицей, и в них даже совершенно неприиспособленные для этого именные группы могут из дескрипций становиться обращениями (5). Дополнительным подтверждением этой гипотезы служит то, что в таких контекстах после частицы легко вставить *ты (вы)*, также явно обладающее апеллятивной силой.

(5) (НКРЯ: Юрий Коваль. Гроза над картофельным полем, 1974)

Эй, с фонариком, беги шибче!

(6) (НКРЯ: Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Похититель собак, 1963)

Эй ты, на заборе, отвечай сейчас же, где Люся?

А с обычными именами-обращениями, типа имен собственных, частица *эй* и особенно конструкция *эй ты* сочетается плохо или, по крайней мере, требует специальной интерпретации. Ср., например, (7), где обращение приобретает специфическое значение, близкое к цитированию или имитации чужой точки зрения – ‘тот, кого называют папой’.

(7) (сконструированный пример)

Эй (ты), «папа», поди-ка сюда, тут тебя зовут.

Кажется, все эти эффекты можно объяснить тем, что имена собственные и имена родства, а также отдельные имена нарицательные (типа *доктор*) обладают собственным апеллятивным потенциалом и не требуют, а отчасти даже препятствуют употреблению других апеллятивных средств, в то время как обычные нарицательные имена лиц в большинстве своем таким потенциалом не обладают и, чтобы начать функционировать как обращение, требуют помещения в особые апеллятивные контексты (типа *эй ты*).

Таким образом, имена лиц, обладающие способностью образовывать формы нового вокатива, должны обладать двумя характеристиками – определенным фонотактическим рисунком и наличием апеллятивного потенциала – это имена

собственные и имена родства, которые нормально могут функционировать как обращения, в том числе – как оклики. Такое предложение объясняет исключительное присутствие в списке двух имен нарицательных – *ребята* и *девчата*. Это те имена-обращения, которые обладают необходимой фонотактической структурой; других нарицательных обращений структуры -V'(C)Ca в русском языке, по-видимому, просто нет.

Клички животных (т.е. имена собственные, хотя и неличные, но обладающее апеллятивностью) также могут образовывать новый вокатив – ср. показательный в этом смысле пример (8), где существительное *Дочка*, в исходном своем значении, по-видимому, не образующее новый вокатив, образует эту форму вполне естественно именно потому, что выступает в роли клички, т.е. имени собственного.

(8) (НКРЯ: Юрий Коваль. Гроза над картофельным полем, 1974)

кличка в форме нового вокатива

Дочк, Дочк, Дочк...— послышалось с поля. По меже шёл парнишка в ковбойке и покрывал. — Тёлку потерял? — Овцу,— сказал он, подойдя.

Отсутствие формы нового вокатива у слова *дочка* (**дочк*) также требует объяснения. Как кажется, апеллятивность имен нисходящего родства в современном русском языке ослаблена: по отношению к родственникам младшего по отношению к эго поколения и к родственникам того же поколения, что эго, в современном русском языке употребляются скорее имена собственные. Обращения типа *сын*, *дочка*, а также представляющие особый интерес образования *доча*, *сына* ощущаются как просторечные, а *сын (мой)*, *дочь* – как официально-торжественные или шутливые, т.е. заведомо маркированные. (Впрочем, в этой группе терминов родства не так уж и много имен структуры -V'(C)Ca: *сестрица*, *дочка*, *внучка*). Среди имен восходящего родства значительную часть составляют как раз имена структуры -V'(C)Ca, и для всех таких имен новые вокативы легко образуются и вполне распространены; как кажется, именно потому, что называние старшего родственника по имени в русской языковой культуре маргинально, и апеллятивный потенциал этих имен очень высок.

Итак, мы очертили границы класса имен, от которых образуется форма нового вокатива. Перейдем к описанию его формальных особенностей. Как уже было сказано в начале, новый вокатив обладает целым рядом нетривиальных фонетических и морфологических свойств. Наиболее широко обсуждается неоглушение конечного звонкого согласного (Панов 1997: 108-110; Spencer, Otoguro 2005; Corbett 2007); это явление идет настолько вразрез с фундаментальными правилами русской фонетики, что требует специальной модели описания^{vi}. Согласно некоторым наблюдениям и интерпретациям (И.Б. Левонтина, личное сообщение), это неоглушение факультативно (/f'ed'/ ~ /f'et'/). по крайней мере на сегодняшний день. Эксперимент С.В. Князева (проведенный, к сожалению, на относительно небольшом количестве испытуемых) показал, что около трети испытуемых «реализуют» в новом вокативе конечную звонкую согласную как глухую, а остальные испытуемые – как не полностью глухой (Князев 2004). А в специально посвященном фонетическим особенностям нового вокатива исследовании (Yadroff 1996) неоглушение конечного звонкого вообще не упоминается и все примеры затранскрибированы с оглушением. Можно

предположить, что факультативность (или отсутствие) неоглушения в речи современных носителей – инновация, которая является свидетельством постепенной интеграции форм нового вокатива в грамматическую и фонетическую систему языка^{vii}.

Другая, уже морфонологическая особенность нового вокатива кажется, напротив, вполне устойчивой. В отличие от обычных падежных форм, в вокативе не проявляется беглый гласный в конечном кластере перед нулем звука: ср. проявление беглого гласного в родительном множественного *Мишек* при новом вокативе *Мишк* (Yadroff 1996, Corbett 2007). Некоторые носители не принимают формы такого типа – как кажется, в качестве препятствующего фактора здесь ощущается наличие конечного кластера – большая часть употребляет их вполне свободно. Но если уж эти формы образуются, беглый гласный всегда отсутствует.

Некоторые новые вокативы (по крайней мере, односложные вокативы структуры *CVC*: *Юр*, *мам* и т.п.) могут реализовываться как энклитики, теряя ударение и редуцируя гласную:

(9) {пример записан со слуха}

Возьми, мам!

{в смысле – ‘возьми трубку, это тебя’}

[vɫz'mí / mám], [vɫz'mí mɫm] или [vɫz'mímʲm]

Нефонологические способы оформления обращения. Кроме того, существуют характерные для обращений просодические нефонологические признаки. Сюда относятся:

- эмфатическая долгота заударной (если она имеется) и ударной гласной, характерные для «дальнего» обращения-оклика:

(10) (приблизительная передача оклика из мультфильма Ю. Норштейна по сказке С. Козлова «Ежик в тумане»)

Ё-о-о-о-о-жи-и-ик!

- специальное просодическое оформление (возможно, сродни артикуляции, которую С.В. Кодзасов (2000) называет «быстрым темпом группы») в «укоризненных» обращениях:

(11) (сконструированный пример)

Наташа! Перестань!

- повышение тона на ударном гласном с последующим понижением (либо на заударном гласном, если он имеется, либо на том же ударном, если он последний; ср. «сложение двух тональных акцентов» в (Кодзасов 2000), хотя и с иной последовательностью тонов) в обращении к адресату, который находится достаточно близко, но точное местоположение которого неизвестно (ср. категорию невидимости адресата в языке валапай):

(12) (сконструированный пример)

(Наташа\ [или Наташ], ты где?

{например, говорящий ходит по квартире и ищет адресата}.

Точное описание этих признаков требует обращения к методам инструментальной фонетики; здесь отметим только, что все эти реализации

обращения возможны как для номинатива в функции обращения, так и для нового вокатива. Так, в следующем примере новый вокатив используется в функции дальнего оклика и имеет ударную гласную с эмфатической долготой.

(13) (PPP: 68)

Гости сидят за столом. Звонок. Хозяйка идет в прихожую встретить новых гостей...

Б. Ну так вот проходите / давайте здороваться будем//

(*нрзбр., говорят все одновременно*)

А. Ма-а-м!

А., мальчик шести лет, по-видимому остался за столом и обращается к матери, ушедшей в прихожую. Новый вокатив здесь сочетается с просодией оклика (именно так с большой степенью уверенности можно интерпретировать графическое удвоение гласной). Очевидно, что функцией «дальнего» обращения нагружен не собственно новый вокатив, а просодия.

Характерно, что дальнейшее обращение чаще всего синтаксически и просодически изолировано – это слово-высказывание, не являющееся членом какой бы то ни было синтагмы (кроме той, которую оно само составляет) даже интонационно. Этим оно разительно отличается от «чистого» (не маркированного специальными просодическими средствами) нового вокатива, который в большинстве контекстов просодически прикреплен к той или иной синтагме или даже встроен в нее, не будучи синтаксически включен в нее; удобно говорить, что вокатив является сателлитом синтагмы.

Нам кажется вероятным что новый вокатив имеет относительно недавнее просодическое прошлое. В работе (Yadroff 1996) даже современный новый вокатив рассматривается в рамках «просодической морфологии» (впрочем, в этой работе «просодическая морфология», – это в первую очередь отсылка к определенной теоретической парадигме). Конкретная фонетическая модель возникновения нового вокатива остается неясной; однако, если отвергать фонетические причины, на наш взгляд, трудно, даже невозможно объяснить, почему в самых разных языках для выражения звательности используется такое экзотическое средство, как усечение. Причины этого должны лежать в сфере более или менее универсальных просодических свойств обращений-окликов. Такими универсальными свойствами являются, во-первых, необходимость защиты канала передачи информации от помех (грубо говоря, повышение интенсивности звуковых колебаний – ср. Кодзасов 2000; это верно не только для дальних обращений, но и вообще для средств привлечения внимания) и, во-вторых, изолированность дальних обращений, в условиях которой акустические характеристики и фразовая просодия обращения склеиваются с именем и могут со временем приводить к возникновению специализированных звательных форм.

Deleted: , однако

Deleted: , а также

Deleted: при котором

При этом, как кажется, новый вокатив постепенно интегрируется в морфологическую структуру русского языка – на это указывает не только распространение оглушения конечного согласного, но и отсутствие каких-либо обязательных для нового вокатива специальных просодических средств или нефонологических признаков (эмфатическая долгота и ударность и т.п.), что явно отличает его от перечисленных выше специализированных просодических способов оформления обращения. Если принять эту гипотезу, можно сказать, что

сегодняшний новый вокатив, развившись из просодических средств оформления обращения, пытается порвать со своим нефонологическим прошлым и по возможности влиться в именную парадигму, то есть является уже по крайней мере квазиморфологической формой. Как мы попытаемся показать ниже, такое поведение отражается и на его функциях: новый вокатив и просодические средства оформления обращения, обладая способностью уживаться в одной словоформе, имеют мало общего с функциональной точки зрения.

Функциональная характеристика (нового) вокатива. Действительно, хотя новый вокатив может использоваться в контексте дальнего обращения, оформление дальнего обращения, т.е. установление речевого контакта на расстоянии, не является его основной функцией. Более того, не связан он и с установлением контакта на близком расстоянии, во всяком случае, не исключительно с ним. Если бы новый вокатив использовался только для установления контакта с адресатом (именно это, по-видимому, предполагают «шаблонные» определения функций вокатива), для него были бы характерны только (или в первую очередь) изолированные употребления и употребления, открывающие коммуникацию (привлечение внимания будущего адресата) или указывающие на смену адресата в полилоге, и он располагался бы в начале высказывания. В действительности же, хотя употребление нового вокатива часто удовлетворяет этим условиям, оно ими отнюдь не ограничено.

Приведем сначала примеры контекстов, в которых новый вокатив используется для установления контакта.

(14) (PPP: 255) {начало разговора}
А. Жень/ тебе ко скольким?

Установление контакта – широкое понятие, которое может иметь различные ситуативные реализации. Так, если в приведенном выше примере новый вокатив открывает коммуникацию, то в следующем примере новый вокатив (точнее, его второе вхождение – форма *Свет*) используется для обозначения смены адресата (т.е. для установления локального контакта с другим адресатом).

(15) (PPP: 88)
Н. – Так / сейчас будет Алеш // В два счета мы сварим {кофе} // Так // Свет прочистила? {о кофеварке}

Частным случаем смены адресата является спецификация адресата – выделение одного адресата из совокупности адресатов, к которым была обращена предыдущая реплика (или фрагмент реплики) говорящего.

(16) (сконструированный пример)
Так, все за стол, Сонь, ты садись на табуретку.

Тем не менее, существуют контексты, где об установлении контакта говорить крайне затруднительно. Ср. следующий фрагмент телефонного разговора.

(17) (PPP: 147)

Ю. Позвоню тогда //
А. А?
Ю. Позвоню тогда//
А. Позвони Юр / позвони//
Ю. Ладно/
А. Ладно//
Ю. Ну будь здоров//

Наблюдения над корпусом РРР показывают, что такие «внутридискурсивные» употребления более чем частотны. Новый вокатив характерен, в частности, для (двусторонних) телефонных разговоров, где смена или выбор адресата в принципе исключены. Показательна и позиция обращения в синтагме – нередко оно находится в неначальной позиции, следуя за собственно «сообщением» или разбивая его на две части, что также плохо сочетается с традиционным представлением о функциях звательной формы.

Новые вокативы употребляются и в новейших типах двусторонней коммуникации, близких к устной речи (или имитирующих ее) – системы моментального обмена сообщениями (icq и т.п.), блоги (livejournal и т.п.) и даже в казалось бы столь близких к эпистолярному жанру электронной почте и смс. (Здесь они, впрочем, скорее начинают текст, выступая в качестве функционального аналога приветствия.) Во всех этих случаях (кроме, возможно, блогов) адресат однозначно идентифицируется самим актом коммуникации (каналом связи). В качестве примера приводятся полученные автором электронное письмо и смс-сообщение^{viii}.

(18) {email}

*Мишк, привет,
вот я пытаюсь что-то сообразить про доклад в <...>, вроде
примерно придумал так, чтобы сделать доклад ничего особенно не зная
про <...>...*

(19) {sms}

Miwk, tak mozhno li vs'o-taki pol'zovat's'a to4koj v transkripcii?...

Несомненный интерес, конечно, представляет использование нового вокатива в художественной литературе при передаче устной речи. Потенциально сравнение устной речи в литературной передаче с корпусами устной речи может дать представление не только о лингвистических стереотипах, связанных с бессознательной авторской моделью языка или его рефлексированием о языке, но и о тенденциях развития категории, так как письменный язык и язык художественной литературы в частности могут быть в чем-то архаичнее устной речи. Предварительный анализ данных Национального корпуса русского языка (подкорпус со снятой омонимией), как кажется, свидетельствует о том, что в литературных диалогах новый вокатив больше тяготеет к функции начала коммуникативного акта, чаще всего занимая позицию перед синтагмой, которую он сопровождает, реже – после нее; срединное положение в синтагме, сателлитом которой он является, он занимает относительно (т.е. по сравнению с живой устной речью) редко, так же как и начальное положение в роли оклика (для статистически значимых сравнений здесь также необходимы более широкие языковые данные, в первую очередь по устной речи); ср. примеры:

(20) (НКРЯ: Виктор Пелевин. Синий фонарь)

начальное положение: привлечение внимания (начало коммуникации)

Долгое время все молчали, а потом кто-то спросил:

- Вась, а у тебя кем мама работает?

(21) (НКРЯ: Булат Окуджава. Новенький как с иголки)

конечное положение: привлечение внимания (начало коммуникации)

Пахнет свежесмытым полом. И дрова горят в печи лучше. Тепло. – А ты почему учишься плохо, а, Маш? – У меня мозги такие... Меня и папка бил все раньше...

(22) (НКРЯ: Эдуард Лимонов. У нас была великая эпоха)

срединное положение

Мама Рая, если ребенок капризничал, восклицала: «На тебя, Миш, не угодишь!»

(23) (НКРЯ: Сергей Довлатов. Заповедник)

начальное положение: дальний оклик (начало коммуникации)

- Проводи человека, - распорядился Толик, застегивая ширинку. Мы шли втроем по деревенской улице. У изгороди стояла тетка в мужском пиджаке с орденом Красной звезды на лацкане. – Зин, одолжи пятерочку! – выкрикнул Михал Иванович.

Специальную функцию новый вокатив принимает в знаменитом гиньоле Высоцкого «Диалог у телевизора». С одной стороны, эта форма вполне естественным образом встраивается в реплики, которыми обмениваются персонажи (не только в начале, но и посреди реплик, в полном соответствии с узусом устной речи). Однако для лишнего графического формы слушателя новые вокативы *Зин* и *Вань* становятся, в дополнение к подражательному изменению тембра голоса, к которому прибегает Высоцкий, способом указания не столько на адресата, сколько, парадоксальным образом, на автора реплики и, соответственно, сигналом смены говорящего (turn taking); иначе трудно было бы объяснить регулярность, с которой они появляются в первой строчке семи из восьми реплик, более того, практически в каждой строфе, из которых состоит песня:

(24) (Владимир Высоцкий. Диалог у телевизора)

– Ой, Вань, гляди какие клоуны!

Рот – хоть завязочки пришей...

Ой, до чего, Вань, размалеваны,

И голос как у алкашей!

А тот похож – нет, правда, Вань, –

На шурина – такая ж пьянь.

Ну нет, ты глянь, нет–нет, ты глянь, –

Я – вправду, Вань!

– Послушай, Зин, не трогай шурина:

Какой ни есть, а он родня, –

Сама намазана, прокурена –

Гляди, дожدهшься у меня!

А чем болтать – взяла бы, Зин,
В антракт сгоняла в магазин...
Что, не пойдешь? Ну, я – один, –
Подвинься, Зин!..

Вернемся, однако, к «естественной среде обитания» интересующей нас формы. В целом, для нового вокатива характерно скорее дискурсивное (даже внутридискурсивное), чем синтаксически изолированное употребление. Характеристика «(внутри)дискурсивное употребление», конечно, не является достаточной, однако для более точной характеристики дискурсивных употреблений нового вокатива необходим детальный анализ корпуса устной речи, который в рамках этой статьи мы не предпринимаем, лишь намечая возможные пути поиска. Предварительно можно указать на то, что, кроме традиционно относимых к сфере вокатива контекстов с установлением коммуникативного контакта или привлечением внимания, новый вокатив используется также для поддержания коммуникативного контакта или удержания внимания. На эти функции вокатива указывается в (Храковский, Володин 1986: 253; ср. также Махмудова 2001: 220 о различении функций рутульских вокативных частиц *haj* и *hej*)^{ix}.

Действительно, рассмотрим следующий диалог матери с маленькой дочкой во время купания (PPP: 248 – 250), где использование обращений (как номинатива, так и собственно нового вокатива) невозможно объяснить ни сменой адресата (в разговоре участвуют двое), ни установлением контакта (мать употребляет новый вокатив в подавляющем большинстве реплик). Как кажется, эти употребления хорошо объясняются именно необходимостью поддержания контакта. Дочка (Д) погружена в игру, мать (М) стремится поскорее завершить купание, так что ей приходится вновь и вновь обращаться к дочери, чтобы она обратила внимание на то, что ей говорят. (В данном случае трудно отделить потребности коммуникативного акта от межличностного взаимодействия вообще: употребление форм обращения направлено в конечном итоге на то, чтобы дочь выполнила определенные действия – вынула из воды ногу, помыла голову и т.п.). Дочери, напротив, совершенно не обязательно привлекать внимание матери, которая и так достаточно сосредоточена на коммуникации. Показательно соотношение: девочка употребляет обращение лишь четыре раза (*мам, мама*), а женщина – девятнадцать (*Свет, Светочка, Света, Светунь, Света-а*). При этом из четырех обращений девочки два находятся в начале реплики и два – после функционально близкой началу реплики «длинной» паузы (в транскрипции знак //); при этом в трех случаях происходит введение нового сюжета («достань игрушку», «вода стала горячей», «хочу закрыть кран»), и один раз дочь возвращает мать к сюжету, оставленному ею, но продолжающему вызывать у девочки интерес («где все-таки моя игрушка?»). Наоборот, из обращений матери ни одно не находится в начале реплики и не отделено от левого контекста «долгой» паузой (а чаще всего нет и короткой паузы).

(25) (PPP: 248-250)

М. Давай помоемся/ головку помоем// Игрушки моет/ нет чтоб самой мыться! Холодная/ нет/ Свет? --- **Д.** Не-ет// Как у меня вырастает нога? ---
М. Увеличивается/ в воде она потому что// Вода увеличивает// Как увеличительное стекло// Давай ножку одну/ ножку// Держись/ держись//

Ножки мне выгащи Свет// --- Д. Достань вон одну... Вон-вон-вон {об игрушке} --- М. Давай вторую ножку... Ногу-то давай! Выпрями-выпрями, выпрями// --- Д. Мама! --- М. А? --- Д. Поддай мне вон ту вот {игрушку}// --
 - М. Эту? --- Д. Ага// (пауза) Мам! Вода погорячела// --- М. Ну ничего Свет// Давай Свет// Ну встань/ встань! Встань Светочка/ встань// --- Д. Чешется// М. Где чешется/ говори? --- Д. Вот здесь// Мам/ дай я закрою {кран}// --- М. Закрой-закрой/ а то холодно/ закрой// Холодно/ да? Свет// Холодно? Мурашки вот// Головку сама будешь мыть Свет? --- Д. Сама// --- М. Шею давай еще как следует помою// Подбородок подними/ В рот ничего не бери/ Света! На/ мой сама голову// Это шампунь// Не бери в рот/ Света! Ну давай/ мой голову/ и всё// Давай// Сейчас вылезать будем// Глаза закрывай! {Девочка моет голову} Во-о-т// Вот здесь мыло// Мой/ мой! Мой лоб! Ничего/ волосы теперь убери со лба// Во-о-т// --- Д. Всё? --- М. Не-е-т// Еще шею// Давай я душ выключу сейчас// Дай мыло и мочалку// --- Д. Сейчас// --- М. Сейчас будем споласкиваться// Всё// --- Д. Я сейчас не буду споласкиваться/ я сейчас буду мыть// --- М. Давай/ Свет/ а то спать хочется// Водичку сейчас сделаю// На {дает девочке в руки съемный душ} На/ тепленькая// Хорошая/ хорошая вода? --- Д. Холодная// --- М. Как раз/ как раз// Не холодная? Говори/ Светочка// Я могу погорячее// --- Д. Не надо/ не надо! --- М. Всё// Всё! Давай сейчас дам тебе молочка попьешь// Ладно/ Свет? Хорошо? --- Д. Где мочалочка? Мочалочка где? --- М. Ну вставай Свет! Под душ// --- Д. Холодная! --- М. Холодная? Сейчас-сейчас-сейчас... Ну как сейчас посмотри? Горячая? --- Д. Как раз// М. Давай Свет// Споласкивайся/ и все// Пойдем спать// Давай вылезай// Вот твоя одежда... Вот твоя одежда// Всё// Я уже приготовила тебе/ Свет// Давай// Ой-ёй-ёй! Ой-ёй-ёй! Вставай-ка! Давай споласкивайся и вылезай! {сердито} Давай игрушки... Давай! А то поздно/ спать надо// Давай// --- Д. Ой! А где зайчик? --- М. Здесь он/ вот// Всё/ давай// Ну-ка давай скорее под душ и вылезай// {Девочка пьет воду из-под крана} Не пей/ не пей! Вот у тебя от этого живот и болит/ от мыла! Ну-ка давай сюда! Света-а! Давай сюда мочалку! {Девочка ищет игрушку за ванной} Не найдешь// Надо все отодвигать// Потом// Всё? Всё? Вылезай! --- Д. Мам, а что там лежит вон? --- М. Сейчас/ сейчас достану// Я не видела// Холодно/ да? Холодно/ Светунь? Вытри как следует... --- Д. Ах! не щекочи// --- М. Давай-давай/ Свет// Руки/ руки/ давай// Та-а-к/ вторую... Штанишки/ Света// Давай вторую... Давай/// Всё? Теперь давай// Всё? Всё? Ну/ давай-давай// {Несет девочку на руках в кровать} Ох/ мой хороший... Ох/ мой хороший// {Уходят в комнату, конец записи}

Абсолютно нетривиальной с точки зрения классического определения обращения оказывается «функция» обращения, достаточно, впрочем, редкая, которую можно условно назвать «выходом из нарратива»; ср. следующий пример выходы из нарратива с употреблением императива и обращения^x:

(26) (Чуковский. Крокодил)

И встал печальный крокодил
 И медленно заговорил:
 «Узнайте, милые друзья,
 Потрясена душа моя.

...

<далее следует пятьдесят строчек нарратива, практически без диалогической речи и без обращений, в которых крокодил повествует о посещении зоопарка и разговоре с умирающим родственником; рассказ заканчивается следующим образом>

...
Я стоял
И клятвы страшные давал
Злодеям-людям отомстить
И всех зверей освободить.
Вставай же, сонное зверье!
Покинь же логово свое!
Вонзи в жестокого врага
Клыки, и когти, и рога!

Здесь и в других контекстах такого рода – ср. стихотворение А. Блока «Поэты» («За городом вырос пустынный квартал») или последнюю часть стихотворения Н. Некрасова «Железная дорога»^{xi} – обращение является одним из сигналов выхода из нарративного режима и переходом к режиму диалогическому, причем форму обращения может использовать как автор нарратива, как в данном случае, так и его слушатель. Дело в том, что обращение свойственно именно диалогическому режиму, но не нарративу. Иными словами, обращение, употребленное после значительного отрезка монологической речи, сигнализирует о том, что собеседники снова устанавливают диалогический контакт, готовы к обмену репликами.

Близко этим типам контекста использование вокатива при (неожиданной) смене сюжета (ср. также выше некоторые употребления обращений девочкой в диалоге во время купания).

(27) (НКРЯ: письмо молодой женщины подруге, 2002)

1 ноября в Доме Культуры имени Тургенева в 18: состоится празднование 35-летия нашей школы, встреча выпускников и заодно, видимо, празднование 52 Дня Рождения нашей глубокоуважаемой Людмилы Петровны. Вечер обещает быть интересным, собираюсь туда пойти. Я обязательно напишу тебе о том, что там было. Да, Ваь, ты получила моё письмо с поздравлениями? Если, да, то мне тоже напиши, хотя пиши, конечно, в любом случае, ты же знаешь, что я всегда с нетерпением жду от тебя весточки!

Строго говоря, это, конечно, не функция, а корреляция с определенным речевым режимом: вокатив не обозначает, а сигнализирует выход из нарратива. В целом в обоих случаях можно говорить о близости таких контекстов контекстам, где обращение устанавливает или поддерживает речевой контакт. Действительно, с точки зрения структуры дискурса, после завершения нарратива можно ожидать ослабления взаимного внимания собеседников, поддерживавшегося связностью повествования, а смена сюжета требует усиления концентрации адресата, так как содержит новую, непредсказуемую из предшествующего контекста информацию. Однако и в том, и в другом случае употребление вокатива заметно отклоняются от прототипа и могут быть выделены в особый тип контекстов.

Новый вокатив и номинатив в функции обращения. Практически все, сказанное выше о дискурсивных функциях обращения, в равной степени относится как к новому вокативу, так и к номинативу в звательных контекстах. Очевидный интерес поэтому представляет проблема функционального различения нового вокатива и номинатива в функции обращения. Ясно, что новый вокатив образуется преимущественно от имен определенной структуры (исход на –VCa с предпоследним ударным слогом); однако и эти имена допускают в функции обращения номинатив; ср. две близко расположенные реплики одного и того же персонажа в полилоге:

(28) (PPP 66)

А / давайте селедочки / Туся / бери // Селёдочка знаешь / хорошая //

(29) (PPP 66)

Тусь / такой кагор вкусный / мы ... э ... тут (*нрзбр.*)

С другой стороны, как уже говорилось выше, образование нового вокатива возможно не от всех имен лиц, удовлетворяющих этому требованию. К тому же новый вокатив, по-видимому, никогда не является обязательным с грамматической точки зрения – любой новый вокатив можно заменить формой номинатива без ущерба для «локальной» правильности высказывания (фонетические свойства номинатива в функции обращения, возможно, иные – так, он едва ли может становиться клитикой). Можно отметить, кроме того, что новый вокатив используется исключительно в ситуации неформального общения и скорее между близкими людьми. Это утверждение подтверждается корреляцией между использованием нового вокатива и обращением на ‘ты’ / ‘вы’: анализ нескольких текстов из PPP показывает, что если из 16 номинативов в функции вокатива три используются при обращении на ‘вы’, то из 17 новых вокативов с обращением на ‘вы’ ни один не сочетается. Теоретически новые вокативы при обращениях на ‘вы’, по нашим собственным наблюдениям, возможны, однако тенденция достаточно показательна.

Различный прагматический статус номинатива и нового вокатива косвенно проявляется в императивных контекстах. Кажется, что если адресат императива выражен новым вокативом, исполнение указаний говорящего для адресата менее обязательно; говоря нестрого, если говорящий приказывает или требует, ожидая исполнения своих указаний, он скорее употребит номинатив. Ср. два примера:

(30) (учитель обращается к ученику; сконструированные примеры)

(а) Миша, иди к доске.

(б) Миш/Миша, сходи, пожалуйста, за мелом.

Если ответ у доски является частью стандартных отношений учитель – ученик и предполагает определенные обязательства второго по отношению к первому (учитель «вправе» требовать от ученика отвечать урок), то обеспечение условий для ведения урока (наличие мела) к ним не относится. Как кажется, именно поэтому новый вокатив в примере (а) вне специального прагматического контекста звучал бы странно (учитель уговаривает ученика ответить урок?), в то время как в (б) возможны обе формы.

Таким образом, предварительный результат сравнения двух форм обращения в русском языке приводит нас к выводу о том, что основные различия между ними лежат скорее в сфере прагматики, чем структурирования дискурса (несомненно, для подтверждения этого тезиса и уточнения прагматических характеристик обеих форм необходимо обширное корпусное исследование). Это снова подтверждает тезис о том, что при описании звательности в том или ином языке нельзя ограничиваться традиционными шаблонными формулировками; следует по меньшей мере попытаться сопоставить различные существующие в языке формы обращения.

Заключение. Выше мы рассмотрели данные нескольких языков, в которых отмечены две формы звательности, причем, по мнению авторов описаний, различие между этими формами звательности коррелирует с расстоянием, разделяющим говорящего и адресата. В типологии ближних vs. дальних звательных форм русский новый вокатив явно тяготеет к первым. При необходимом просодическом оформлении (эмфатически долгий последний и ударный гласный, несущий эмфатическое ударение) он может выступать и в качестве дальнего обращения; однако носителем категории «дальности» обращения здесь будет являться именно просодическое оформление. Чаще всего дальнее обращение оказывается дискурсивно изолированным (оно само по себе составляет высказывание) и используется в начале коммуникативного акта для установления коммуникации («клик»); естественно ожидать универсальности этой корреляции).

Без специального просодического выделения новый вокатив и номинатив в функции обращения скорее употребляются во фразовом – интонационном, просодическом – единстве (что в формате корпуса PPP означает принадлежность обращения к более широкому высказыванию, от которого оно не отделено знаком фразовой паузы //), хотя и вне аргументной структуры клаузы. В таком единстве новый вокатив (как и номинатив в звательной функции) может занимать не только начальное, но и срединное, и конечное положение^{xii}. Его синтаксический статус удобно обозначить как сателлит синтагмы. Относительная свобода размещения форм обращения внутри синтагмы и разнообразие типов контекстов, где они встречаются, свидетельствует о том, что эти формы используются не только для привлечения внимания и установления контакта, но и для удержания внимания адресата, контакт с которым уже установлен (ср. Храковский, Володин 1986), своего рода «маячки» в ткани дискурса.

Вовлеченность в структуру дискурса однозначно указывает на то, что формы обращения имеют дискурсивную нагрузку; однако точная природа их функций требует анализа широкого корпуса устной речи. Целесообразным направлением корпусных исследования звательности является проверка закономерностей размещения обращения внутри синтагмы (эти закономерности могут быть связаны с прагматической организацией синтагмы – как кажется, обращение размещается скорее между прагматически противопоставленными элементами высказывания, но не внутри их; возможно, скорее между темой и ремой, чем разбивая тему или рему), а также взаимодействие звательности с различными типами иллокуции (не только с побудительностью, о которой уже упоминалось выше, но и вопросительностью, а также использование звательности в ответах на вопросы).

Более того, обращение, конкретно-языковой реализацией которого являются новый вокатив и номинатив в звательной функции, само составляет, на наш

взгляд, особый тип иллокуции. Эту иллокуцию можно назвать апеллятивной, и сводится она к имеющему вполне конкретную цель речевому воздействию на адресата (включение в коммуникацию или удержание внимания адресата). Якобсон сближал его в этом смысле с императивом (Якобсон 1971/1985); можно встретить утверждения, согласно которым обращение является эллипсисом императивной конструкции побуждения слушать (т.е. *Вася!* ← *Вася, послушай!*; ср. Храковский, Володин 1986) либо что вокатив – это своего рода отыменной императив (Гусев 2005). При этом подходе эта иллокуция более или менее однозначно отождествляется с императивной иллокуцией. С нашей точки зрения, однако, побудительная и апеллятивная (звательная) иллокуция, хотя и обнаруживают определенные сходства, не только формальные, но и функциональные – и то, и другое является речевым воздействием, а не просто транслирует информацию, и то, и другое тяготеет к диалогической речи и нехарактерно для нарратива – все же существенно отличны друг от друга. Императив (и вообще побудительность) каузирует адресата выполнить обозначенное лексическим глаголом действие, в то время как вокатив (и вообще обращение) управляет его дискурсивным и, шире, коммуникативным поведением.

С точки зрения «стороннего наблюдателя», обращение содержит указание на адресата речевого акта; особенно ярко эта функция выступает в контекстах смены адресата, она же часто используется в письменном тексте. В этом отношении обращение, возможно, родственно другим механизмам интегрирования информации об адресате в структуру речевого акта (категории социального статуса в языках Юго-Восточной Азии, кодирование пола адресата в баскской глагольной группе и т.п.); интересно искать здесь формальные типологические параллели. Здесь же можно провести отдаленную аналогию со средствами поддержания референции – подобно тому как, например, использование различных средств анафоры поддерживает привязку референции именных групп к определенным персонажам, использование рассмотренных механизмов поддерживает привязку коммуникативного акта к его адресату.

Наконец, сделаем еще одно типологическое замечание. В чукотско-камчатских языках форма дальнего обращения (оклика) характеризуется нефонологичностью и неморфологичностью, особенно по сравнению с формами близкого обращения (предикативными именными формами второго лица); ср. (Кодзасов 1975). В русском языке функцию оклика также берут на себя не морфологические категории, а нефонологические просодические признаки высказывания. С другой стороны, форма русского нового вокатива, уже значительно интегрированная в дискурс, хотя и имеет специфическое морфонологическое и фонетическое поведение, указывающее на то, что ее формальная интеграция в морфологическую систему не вполне завершена, внешне очень «похожа» на падеж с нулевым падежным показателем^{xiii}. При этом вероятным кажется предположение о недавнем просодическом прошлом нового вокатива, т.е. «генетическое родство» этой квазиморфологической категории наблюдаемым сегодня вполне нефонологическим средствам, используемым для оформления оклика. Можно предположить, что просодическая звательная форма, из которой он развился, была менее интегрирована в дискурс, чем сегодняшней новый вокатив.

В этой связи кажется возможным высказать следующую (по недостатку типологического материала несколько преждевременную, но вполне правдоподобную) гипотезу: формальная интеграция категории звательности в

грамматику и грамматическую морфологию языка и ее функциональная интеграция в дискурс (от использования в качестве синтаксически изолированного дальнего обращения к элементу дискурса) являются не независимыми, а взаимосвязанными процессами: чем более дискурсивна звательность, тем более фонологично ее выражение; и наоборот, чем более фонологична и морфологична форма звательности, тем естественнее ожидать от нее использования не только и не столько в качестве дальнего обращения, сколько для манипулирования дискурсивным процессом.

Литература:

- Володин 1976: А.П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука.
- Гусев 2005: В.Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Рукопись диссертации. Москва.
- Жукова 1972: А.Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Л.: Наука.
- Кибрик и др. 2000: А.Е. Кибрик и др. Язык и фольклор алюторцев. М.: Наследие.
- Князев 2004: С.В. Князев. Об иерархии фонологических правил в русском языке (несколько новых соображений по поводу *язв* А.А. Реформатского) // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М.
- Кодзасов 1975: С.В. Кодзасов. Две заметки о звуковом символизме // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики, 7. Москва, 1975.
- Кодзасов 2000: С.В. Кодзасов. Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости). // Н.Д. Арутюнова (ред.) «Логический анализ языка. Языки пространств». М.: Наука.
- Махмудова 2001: С.М. Махмудова. Морфология рутульского языка. М.: ИЯ РАН. НКРЯ: Национальный корпус русского языка: www.ruscorgpora.ru.
- Панов 1997: М.В. Панов. Современный русский язык. Фонетика. М.
- PPP 1978: Русская разговорная речь. Тексты. Баринаева Г.А. и др. (сост.) М.: Наука.
- Скорик 1961: П.Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. 1. М.-Л.: АН СССР.
- Храковский, Володин 1986: В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука.
- Якобсон 1971/1985: Р.О. Якобсон. О структуре русского глагола. Избранные работы.
- Corbett 2007: G. Corbett. Determining morphosyntactic features: the case of case. // G. Corbett and M. Noonan (eds.) Case and grammatical relations. Papers in honour of Bernard Comrie. Oxford: Oxford University Press.
- Daniel, Spencer to appear: M. Daniel, A. Spencer. Vocative: an outlier case. In: A. Malchukov and A. Spencer (eds). Handbook of case. Oxford University Press.
- Sadock, Zwicky 1985: J. M. Sadock, A. M. Zwicky. Speech act distinctions in syntax. In: T. Shopen. (ed.) Language typology and syntactic description: clause structure. London and New York: CUP.
- Schegloff, Emanuel A. 1968. Sequencing in conversational openings. American Anthropologist 70.6.
- Spencer, Otoguro 2005: A. Spencer, R. Otoguro. Limits to case: a critical survey of the notion. In: Mengistu Amberber and Helen de Hoop (eds.) Competition and variation in natural languages: the case for case. Amsterdam: Elsevier.
- Watahomigie et al. 2001: Lucille Watahomigie, Jorigine Bender, Philbert Watahomigie, Sr. and Akira Y. Yamamoto. Hualapai Reference Grammar. ELPR.

Yadroff 1996: M. Yadroff. Modern Russian Vocatives: a Case of Subtractive Morphology. *Journal of Slavic Linguistics* 4.

Zwicky 1974: A. Zwicky. Hey, what's your name! In: Michael La Galy, Robert A. Fox, and Anthony Bruck (Eds.), *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*, 787–801. Chicago: Chicago Linguistics Society.

ⁱ Термин «эмфатическая ударность» используется здесь по аналогии с термином «эмфатическая долгота», употребляемым для сходных явлений в (Кодзасов 2000); конечно, он сугубо приблизителен, и соответствующие экспоненты звательности нуждаются в инструментальном исследовании, как для чукотского, так и для русского языков.

ⁱⁱ Я не рассматриваю здесь формы старого вокатива, из которых в сознании среднего образованного носителя сохранились, по-видимому, только *отче*, *боже* и *старче*, в меньшей степени поддерживаемое классической поэзией 19-го века *княже*, в еще меньшей степени *сыне*. В реальности в нестилизированных текстах могут встречаться лишь формы *боже* и *господи*, причем не в функции собственно обращения (если даже отвлечься от того, что молитва является специальной речевой формой и функции вокатива в ней должны рассматриваться специально), а в таких формулах, как *боже мой!* Вокативы первого склонения (*жено*) и мягкого подтипа второго склонения (*царю*) преданы полному забвению.

ⁱⁱⁱ (Yadroff 1996) считает возможным образование нового вокатива от слов с ударением на третьем от конца слоге, а также для слов с окончанием на *-о*. Первые (приводятся примеры *Мариночек*, *дорогуленьк*) кажутся нам невозможными, вторые (типа *Данк* от имени *Данко*) – по крайней мере сомнительными.

^{iv} Такие лексические единицы, строго говоря, вообще не совсем существительные, так как они не могут заполнять или избегают аргументных позиций, хотя и имеют личную референцию. Я бы считал целесообразным выделять их в особый с точки зрения частеречной классификации класс и соответственно использовать специальный таксономический термин – например, называть их апеллятивами.

^v В работе используются примеры из корпуса русской разговорной речи (Барина и др. 1978), формат ссылки «PPP: номер страницы», и примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), формат ссылки «НКРЯ: автор, произведение», а также некоторые примеры, полученные помимо корпусов (формат ссылки «автор, произведение»)

^{vi} Такой моделью может являться постулирование двух различных фонетических уровней – поверхностного и глубинного, используемого для описания нового вокатива в (Панов 1997). На глубинном уровне, где происходят основные фонетические процессы, в том числе оглушение конечных звонких шумных, новый вокатив совпадает с номинативом и имеет исход на *-а*; выпадение беглой гласной имеет морфонологическую природу и происходит еще раньше. Образование вокатива путем опущения конечной *-а* номинатива происходит уже на поверхностном уровне, поэтому беглый гласный отсутствует, а ставший конечным звонкий шумный не оглушается. Различение двух уровней не является решением исключительно ad hoc: как отмечает С.К. Пожарицкая (личное сообщение), фонетические явления, сходные с описанными выше для вокатива, наблюдаются в аллегорической речи. Иная модель, постулирующая не воспринимаемую слухом сверхкраткую гласную, предложена в (Spencer, Otoguro 2005).

Таким образом, поскольку говорить о морфологическом нуле, подобном морфологическому нулю родительного множественного, не представляется возможным, эти формы не могут считаться вполне падежными и сближаются с теми формами звательности в других языках, которые образуются усечением.

^{vii} С.В. Князев (личное сообщение) считает возможным и вероятным, что вариативность была характерна для этих форм от начала их существования и не является инновацией, причем настоящих звонких в формах вокатива не только нет сейчас, но, возможно, никогда и не было.

^{viii} Приводится начальный фрагмент электронного письма; в целях анонимности некоторые слова опущены. Смс-сообщение приводится полностью в традиционной латинской транслитерации, с сохранением односимвольной репрезентации русского «ш» через «w» и «ч» через «4».

^{ix} Сходное различие проводится в (Sadock, Zwicky 1985: 187, вслед за Zwicky 1974, который, в свою очередь, ссылается на Schegloff 1968) между «окликаками», которые используются, чтобы привлечь внимание (to catch the attention of some person or persons), и «обращениями» (addresses), которые поддерживают контакт (address them during a conversation).

^x К контекстам такого рода наше внимание привлекла А. Урманчиева.

^{xi} В доступных нам корпусах устной речи примера такого контекста не нашлось, поэтому пришлось обратиться к литературным источникам. (Примеров на новый вокатив в такой функции не нашлось вообще – хотя он в таких контекстах, очевидно, так же допустим, как и другие формы обращения). Примеры из Блока и Некрасова были предложены А.Ю. Даниэлем и Н. Добрушиной, соответственно.

^{xii} Как заметила та же А. Урманчиева, эта дистрибуция отчасти напоминает дистрибуцию obscene слов и выражений.

^{xiii} В терминах (Corbett 2007) новый вокатив – это хотя и неканонический падеж, но все-таки падеж.